

E. Wolter: Alexander Potebnjá (1835—1891). (Sonderabdruck aus den „Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft“. Heft 18, III, 6, S. 510).

Авторъ посвящаетъ нѣсколько словъ покойному ученому съ обозрѣніемъ его жизни и трудовъ. Съ первыхъ словъ мы наталкиваемся, правда, на несущественное противорѣчіе о годѣ рожденія Потебни (1835 съ по-
казаніемъ этого факта у Н. Ф. Сумцова (1836 г.; см. „Э. О.“ XII, 180). Въ обзорѣ трудовъ А. А. Потебни авторъ особенно останавливается на тѣхъ мѣстахъ изслѣдованія, которыхъ касаются литовской или латышской этнографіи и языка, указываетъ содержаніе отдѣльныхъ главъ и коммен-
тируетъ своими или мнѣніями другихъ ученыхъ отдѣльные факты и ре-
зультаты научной дѣятельности покойнаго. Для біографа Потебни, а также
для всякаго, интересующагося его трудами, эта замѣтка г. Вольтера можетъ
быть принята въ соображеніе.

В. Б.

Малорусскія прозвища Херсонской губерніи. Этнографический очеркъ
B. Истребова. (Оттискъ изъ „Новороссийского календаря“). Одесса. 1893.
80°. Стр. 17.

Значеніе уличныхъ прозвищъ ужъ было выяснено, на русскомъ языкѣ,
проф. Сумцовымъ. Въ созданіи прозвищъ, этихъ мѣстныхъ и характерныхъ
выраженій, проявляется тотъ же творческій духъ народа, какой дѣйствуетъ
въ пословицахъ, поговоркахъ, пѣсняхъ и т. п. Очеркъ В. Истребова
служить прекраснымъ дополненіемъ къ статьямъ П. Ф. Сумцова: „Мало-
русскій фамильный прозвища“ („Киевск. Стар.“ 1885, февр.) и „Уличныя
клички“ („Культурн. пережив.“, стр. 26 sq.). Г. Истребовъ всецѣло опи-
рается на эти статьи въ своихъ толкованіяхъ, въ способахъ и даже порядкѣ
обработки матеріала, и главный интересъ его очерка заключается не въ
теоретической сторонѣ, не въ умозрѣніяхъ и обобщеніяхъ, а въ массѣ
данныхъ: онъ приводитъ самыя точныя свѣдѣнія, сообщенные крестьянами
и мѣщанами, относительно происхожденія того или другого прозвища, изла-
гаетъ какъ причину, такъ и сопровождающія обстоятельства. Такимъ обра-
зомъ г. Истребовъ, впервыхъ, позволяетъ читателю какъ бы лично при-
сутствовать при зарожденіи и постепенномъ развитіи творческой мысли
народа, а ввторыхъ онъ вводить читателя въ наиболѣе интересные заку-
лисныя моменты народной жизни, недоступные поверхностному наблюдѣ-
нію: вѣдь прозвища возникаютъ не въ заурядныхъ, а въ болѣе интерес-
ныхъ случаяхъ жизни. Располагая довольно обильнымъ матеріаломъ (до
400 примѣровъ на одну губернію или, вѣрѣбѣ — на одинъ Елисаветград-
скій уѣздъ), авторъ могъ сдѣлать свой обзоръ широкимъ и всестороннимъ,
и такимъ образомъ онъ ведетъ читателя отъ игръ уличныхъ мальчишекъ
на вечеринцы, отъ вечеринецъ — къ деревенскому клубу — шинокъ, изъ шинка —
въ волостное правленіе, на сельскій сходъ, потомъ — въ среду извѣстныхъ
малорусскихъ бабъ-сплетницъ и не менѣе извѣстныхъ украинскихъ бабъ-
воительницъ, поколачивающихъ своихъ мужей, и т. д., и т. д. (Считаемъ
умѣстнымъ вспомнить здѣсь одинъ примѣръ изъ „Сердешной Оксаны“

Квитки, не отмеченный проф. Сумцовыми, который вообще любить пользоваться Квиткою для этнографических целей. Примеръ этот ярко освещаетъ обстоятельства, при которыхъ создается прозвище: старуха, усыновляя незаконорожденного внука, нарекаетъ его „Петро Завыжысвить“, потому-что, говорить она, „винъ намъ усимъ свитъ завыязватъ“). Не вѣдь объяснения, приведенные г. Ястребовымъ, намъ кажутся естественными и достовѣрными. На стр. в читаемъ: „Крестьянинъ Г. прозванъ священикомъ „Брехачка“ по слѣдующему анекдотическому случаю: священникъ Бахаль на требу и, встрѣтивъ извѣстнаго лгуну, крестьянина Г., попросилъ его сбрехать, не думая; тотъ, сохранивъ серьезный видъ, отвѣчалъ: „николы, батюшка, брехать, треба за лисъ махать: бо за лисомъ чумакы стоять и за михъ половы даютъ тры возы солы“, и потянулъ лошадь; священникъ и повѣрилъ, тотчасъ вернулся домой, вѣль изъ чего только можно скорѣй нашить мѣшковъ и наполнить половой; нагрузилъ ими нѣсколько возовъ и отправился въ указанное мужикомъ мѣсто искать чумаковъ“. У Чайченка, въ его сборнике „Веселый оповѣдатель“ (2-е изд. въ Москве 1893 г.), мы встрѣчаемъ тотъ же анекдотъ, изъ чего заключаемъ, что это — анекдотъ бродячій, и при томъ нерѣдкій (отвѣтъ лгуну сложенъ даже въ риму), а г. Ястребову сообщаютъ онъ для объясненія прозвища „Брехачка“ просто въ силу того, что истинная основа прозвища успѣла забыться.—Правописание малорусское у г. Ястребова сильно хромаетъ, въ особенности непослѣдовательно употребляются у него Ы и И. Эта небрежность тѣмъ болѣе странна, что составитель желаетъ сдѣлать свой очеркъ также материаломъ для филологическихъ изслѣдований (стр. 3).

Извѣстно, что малорусскія прозвища бывають иногда очень замысловаты и курьезны. Кулиша, въ 60-ыхъ годахъ, пытался опровергнуть этотъ фактъ и съ негодованіемъ замѣчалъ, будто Гоголь приписываетъ малороссамъ такія фамилии, какія крестьянинъ и произнесъ-то постыдится. Уже Сумцовъ (въ „Культурныхъ переживаніяхъ“) фактически опровергъ Кулиша и тогда же прибавилъ, что Кулиша ослѣпляло влюблённое отношеніе интеллигентіи къ народу, дѣйствовавшее въ 60-хъ годахъ. Коллекція г. Ястребова также реабилитируетъ Гоголя.

А. Крымский.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологического Общества.
Томъ 5. *Труды Педагогического Отдѣла. Выпукъ I.* Харьковъ. 1893.

Названная книга является въ высшей степени цѣннымъ подспорьемъ какъ для историка, такъ и для этнографа. За небольшой статьей М. М. Плохинского, посвященной историческимъ справкамъ о поселеніи грузинъ въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, раздачѣ имъ дворовъ и взаимныхъ отношеніяхъ мѣстнаго населенія и грузинъ, какъ поселенцевъ края, мы встрѣчаемъ новый трудъ неутомимаго малорусскаго этнографа П. В. Иванова, заключающій въ себѣ „Народные рассказы о домовыхъ, лѣщихъ, водяныхъ и русалкахъ“. Въ нихъ авторъ съ прежней энергией и любовью къ дѣлу даетъ новые „материалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда“. „Если нашъ крестьянинъ, говоритъ онъ,